

0. 774938

На правах рукописи

Анохина Юлия Михайловна

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЙ
В ЯЗЫКАХ С РАЗНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Барнаул – 2008

Работа выполнена на кафедре исторического языкознания ГОУ ВПО
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Б.И. Осипов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент Т.Г. Пшёнкина

кандидат филологических наук,
доцент Н.В. Солнцева

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Югорский государ-
ственный университет»

Защита состоится «16» декабря 2008 г. в 12-30 часов на засе-
дании диссертационного совета ДМ 212.005.01 по защите диссертаци-
ций на соискание ученой степени доктора филологических наук при
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет» по адресу:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Автореферат разослан 8 ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514530

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент Н.В. Панченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена исследованию способов выражения сравнения в языках с разной грамматической структурой. В работе рассматривается материал русского и французского языков, которые относятся к разным типологическим группам, но бытуют в одном европейском культурном ареале. Общность происхождения языков (их принадлежность к индоевропейской семье) обусловила и некоторые общие типологические черты: активный строй предложения еще в индоевропейскую эпоху трансформировался в номинативный, и французский язык, несмотря на редукцию падежной системы, сохранил черты этого строя. С другой стороны, аналитический строй этого языка обусловил его типологическую противопоставленность русскому.

Исследование представляется **актуальным**, поскольку проблема сравнения находится в русле основных тенденций современного языкознания с его повышенным вниманием к вопросам взаимосвязи языка и мышления, языка и национальной картины мира, языка и культуры, языка и межкультурной коммуникации (Н.Д. Арутюнова, В.А. Багдинова, В.И. Бартон, А. Вежицкая, В.Г. Гак, Н.М. Голева, И.С. Исмаилов, Л.А. Лебедева, И.В. Левит, Н.Н. Макаренко, А.Б. Михалев, А.Г. Назарян, Ю.С. Степанов, М.И. Черемисина, N. Cazelles, M. Sprova и др.)

Теоретической основой исследования послужил ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных описанию языков в аспекте структурной и функциональной типологии, специфике организации высказывания в целом, а также вопросам художественного перевода. Среди них основными являются труды Ш. Балли, В.Г. Гака, А.Г. Назаряна, Ю.С. Степанова, М.И. Черемисиной.

В качестве **объекта** исследования выступают конструкции сравнительной семантики в языках различного грамматического типа (французского и русского).

Предметом исследования являются те общие и специфические черты грамматической оформленности сравнения, которые обусловлены разным местом языка в грамматической типологии.

Цель работы состоит в установлении репертуара грамматических конструкций сравнительной семантики, их лексической наполненности, а также фразеологизации сравнений в зависимости от особенностей языковой картины мира.

Цель определяет **задачи** исследования:

- 1) изучение структурно-семантических и прагматических аспектов компаративных конструкций аналитического языка в соотнесении с аналогичными конструкциями синтетического;
- 2) изучение особенностей передачи французских сравнительных конструкций на русский язык;

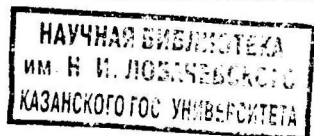
3) изучение преобразований грамматического характера, которые оказываются при этом необходимыми и выяснение того, когда эта необходимость обусловлена стилистическими, а когда структурно-грамматическими факторами;

4) поскольку наиболее ранние из исследуемых текстов и наиболее поздние разделены промежутком примерно в сто лет, предполагается выявить наличие или отсутствие изменений, сдвигов в сфере изучаемых конструкций на этом временном отрезке.

В качестве **материала исследования** использовались сравнительные конструкции, взятые из новелл Э. Золя, А. Моруа, романов Ф. Саган и их переводов на русский язык. Этот выбор позволяет проследить оформленность сравнения у писателей хотя и близких, но все-таки разных исторических эпох, внести элемент диахронии, имея в виду при этом, что не только наличие, но и отсутствие каких-либо сдвигов в изучаемых конструкциях является значимым для понимания темпов развития разных сторон структуры языка. Проанализировано в общей сложности около 1000 примеров, извлеченных методом сплошной выборки. Выборка делалась из новелл Э. Золя "Le capitaine Burle" («Капитан Бюрль», перевод А. Зельдович), "Naïs Micoulin" («Наис Микулен», перевод Г. Гольдберг), "La fête à Coqueville" («Праздник в Коквиле», перевод В. Ильиной), "L'attaque du moulin" («Осада мельницы», перевод Д. Лившиц), "Le forgeron" («Кузнец», перевод Г. Еременко), "Comment on meurt" («Как люди умирают», перевод А. Кулишер), "Madame Sourdis" («Госпожа Сурдис», перевод Т. Ивановой); из новелл А. Моруа "La naissance d'un maître" («Рождение знаменитости»), "Bonsoir, chérie!" («Добрый вечер, милочка!»), "Une carrière" («История одной карьеры»), "Les violettes de mercredi" («Фиалки по средам»), переведенных С. Тархановой, "Muthrine" («Миррина»), "Ariane, ma sœur..." («Ариадна, сестра...»), "Le testament" («Завещание»), "La foire à Neuilly" («Ярмарка в Нейи»), "Raz de marée" («Прилив»), "La malédiction de l'or" («Проклятие золотого тельца»), переведенных Ю. Яхниной, "La conversation" («Искусство беседы»), переведенной М. Ваксмахером, "La vie des hommes" («Жизнь людей») в переводе Ф. Мендельсона, "Le retour du prisonnier" («Возвращение пленника») в переводе Е. Гунста, "L'ange-gardien" («Ангел-хранитель», «Три письма») в переводе К. Енгояна, "Thanatos, Palace Hôtel" («Отель Танатос») в переводе А. Кулишер, "Tu es une grande actrice" («Ты – великая актриса») в переводе В. Дмитриева; из романов Ф. Саган «Любите ли вы Брамса?» в переводе Н. Жарковой, «Смутная улыбка» в переводе А. Борисовой.

В работе использованы следующие **методы исследования**: лингвистическое наблюдение и описание, трансформационный и сопоставительно-типологический анализ, а также приемы функционального и прагматического анализа.

Новизна исследования определяется предпринятой в диссертации попыткой целостного систематического анализа специфики сравнительных

конструкций в зависимости от типологических свойств языка. Сравнение анализируется прежде всего с точки зрения обусловленности способов его выражения морфологическими и синтаксическими свойствами той или иной языковой системы. Стилистический и лексико-грамматический аспекты рассматриваются не сами по себе, а в их зависимости от грамматического строя.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что подход к сравнению расширяется и углубляется благодаря выходу за рамки собственно стилистического анализа, за счет более систематического рассмотрения грамматических ресурсов языков разного строя в сфере выражения сравнительной семантики. Это позволяет развить и конкретизировать идею о взаимодействии грамматического строя языка с его лексико-фразеологическими и стилистическими ресурсами, высветить некоторые новые аспекты взаимодействия грамматики с лексикой и фразеологией.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее материала в курсах общего языкознания, теоретической грамматики, стилистики, анализа художественного текста, специальных курсах по теории перевода, на практических занятиях по переводу, в курсе преподавания русского языка как иностранного. Теоретические выводы работы могут иметь выход в переводческую практику.

Положения, выносимые на защиту:

1) аналитизм грамматического строя языка по-разному проявляется на разных участках его морфологической системы, что позволяет взаимно компенсировать разнообразие сравнительных конструкций: отсутствие падежных конструкций в одном языке восполняется большей гибкостью глагольной системы в другом;

2) меньшая разветвленность модально-временной системы может компенсироваться не только за счет большей гибкости именной системы, но и за счет синонимического богатства служебных частей речи (в данном материале русских сравнительных союзов);

3) лексико-грамматическое значение глагола, управляющего конструкцией, по-разному проявляется в языке аналитического и синтетического строя;

4) грамматические преобразования и семантические сдвиги, происходящие в процессе перевода, обуславливаются не манерой переводчика, а прежде всего структурой языка.

Апробация диссертационного исследования проходила на научных конференциях аспирантов и студентов гуманитарного факультета Омского государственного аграрного университета в 2004 и в 2007 гг., на межвузовских научно-практических конференциях «Человек в свете современных естественнонаучных и гуманитарных исследований» в Омском гуманитарном институте в 2006 г., «Теоретические проблемы лингвистики, перевода

и межкультурной коммуникации» в институте иностранных языков «Иняз – Омск» в 2007 г., на международных научно-практических конференциях «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» в Байкальском государственном университете (Иркутск), «Проблемы филологии и межкультурной коммуникации на современном этапе» на базе факультета иностранных языков Якутского государственного университета в 2007 г., а также на заседаниях кафедр исторического языкознания и французского языка Омского государственного университета. Содержание работы отражено в 11 статьях общим объемом 4 п.л.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложения. К работе прилагается библиографический список, список научных изданий и художественных произведений, из которых взят языковой материал.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается обоснование актуальности темы, определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, отмечается его новизна, теоретическая значимость, характеризуются материал и методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «История вопроса о категории сравнения и способах ее языкового выражения в языках разного грамматического строя» содержится краткий обзор литературы, посвященной исследованию компаративных конструкций отечественными и зарубежными лингвистами.

Являясь универсальным средством речемыслительной деятельности, сравнение имеет в каждом языке специфические формы реализации.

В центре внимания исследователей оказываются способы выражения и изобразительные возможности сравнения своего родного языка, хотя в работах отечественных языковедов проявляется, надо сказать, большее внимание к иноязычным структурам и общетеоретическим проблемам, чем в исследованиях зарубежных лингвистов. Вместе с тем, представляется возможным обрисовать круг теоретических выводов, в большей или меньшей степени отраженных в имеющихся исследованиях.

Сравнение рассматривается как гносеологическая, логическая и лингвистическая категория и находится в основе познавательной деятельности человека. Лингвистическое сравнение понимается как синтаксическая категория, базирующаяся на отражаемом в речи результате соответствующей логико-мыслительной операции сопоставления категориально однородных явлений на основании существенных для данной коммуникативной ситуации признаков (С.Б. Абсаматов, А.В. Ваганов Ф.В. Даутия, В.М. Огольцев, П. Серьо, Л. Теньер, Б.В. Томашевский, М.В. Хлебникова, М.И. Черемисина). Изучение сравнительных отношений в предложении включает в себя описание союзного оформления сравнительных конструкций, исследование

семантической и синтаксической зависимости компонентов предложения, выделение семантических подтипов предложения сравнения (А.Б. Михалев, Л.М. Скредина, М.И. Черемисина).

В отличие от узуального сравнения, нетрадиционное, авторское сравнение обладает широкой возможностью выбора референтов, т.к. в сравнениях такого типа сопоставляются достаточно отдаленные друг от друга понятия. Обращение к нетрадиционным аналогиям имеет целью расширить границы традиционной картины мира, подчеркнуть невидимую на первый взгляд особенность предмета или явления (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А.Н. Веселовский).

При образном сравнении и автор высказывания, и реципиент знают, что высказывание истинно только в этом контексте, что это своего рода игра на выявление сходств и различий. Образное авторское сравнение нужно анализировать на семантическом уровне, т.к. художественный текст насыщен личностными смыслами (Р. Vacry, N. Cazelles, J.J. Robrieux).

Сравнения могут рассматриваться с функционально-семантической точки зрения (В.В. Виноградов), выделяются системы микрополей реальной и ирреальной семантики (А.В. Бондарко, Е.М. Поркшеян), разнообразные структурно-семантические типы, многие исследователи объединяют стилистический и синтаксический подходы, изучают сравнения и как фразеологические единицы (Е.И. Диброва, Л.А. Лебедева, В.М. Огольцев). Многие лингвисты рассматривают структурно-семантическое многообразие сравнительных конструкций и пытаются выявить внутрисистемные отношения на материале устойчивых компаративных конструкций, обращая внимание на их компонентный состав, образную основу, внутреннюю структуру, поля, запечатлеваемые в языке при помощи сравнений (В.Г. Гак, Т.М. Велла, И.В. Назарова, А.Г. Назарян, Н.А. Метс, Н.В. Разумкова, Н. Bauche, M. Jouhandeau). Рассматривая вопрос о полноте значения элементов, конституирующих сравнительный оборот, исследователи отмечают, что в русском языке с наибольшей полнотой выступает предмет (Б.В. Томашевский), во французском же языке основная смысловая нагрузка заложена в модуле, выраженном прилагательным или глаголом (А.А. Мартынова). Несмотря на разнообразие подходов, и русские, и зарубежные лингвисты выделяют следующие структурные компоненты сравнительной конструкции, применяя лишь различную терминологию: то, что сравнивается (сравниваемое, тема, предмет, субъект); то, с чем сравнивается (образ, опора, объект); то, на основе чего происходит сравнение (признак, модуль, основание, посредствующий член).

Однако сложность такого многоуровневого феномена, как сравнение, позволяет поставить задачи, еще не попадавшие в поле зрения лингвистики, а именно выявление зависимости организации сравнения от места языка в грамматической типологии, от особенностей его морфологических и синтаксических структур.

Вторая глава «Грамматическая структура языка и способы выражения сравнений» посвящена рассмотрению способов передачи компаративных конструкций французского языка на русский язык. В 1-м разделе главы рассматриваются типологически сходные компаративные конструкции двух языков. В целом около 25% от общего количества проанализированных конструкций, имеющих в оригинальном тексте структуру *verbe (adjectif) + comme + substantif*, можно считать эквивалентными русским структурам *глагол (прилагательное) + как + существительное в им. падеже*. Следует отметить, что практически во всех подобных структурах возможна замена показателя сравнения *как* на *словно, точно, будто, как будто* и *подобно + существительное в дат. падеже*. Французский сравнительный союз *comme* является союзом нерасчлененной семантики. В русском языке ему могут соответствовать разнообразные союзы, из которых *как* является базовым, все остальные в своей семантике имеют дополнительные коннотации. Использование модальных сравнительных союзов, союзных слов, наречий при переводе придает оттенок ирреальности, т.е. легко происходит переход реальной сравнительной конструкции в разряд ирреальной, без нарушения смысла повествования. Такой переход возможен во всех тех случаях, когда в качестве посредствующего члена выступает прилагательное или посредствующего члена нет вообще, если же он выражен глаголом, то такая замена возможна не всегда. В зависимости от грамматических особенностей языков трансформация сравнения при переводе оказывается различной. Например:

<p>... il savait pourquoi il allait mourir et comme un enfant, il jurait de ne plus recommencer. (Zola. Le capitaine Burle)</p>	<p>... теперь он знал, что должен уми- рать и как ребенок клялся, что боль- ше не будет. (Перевод А. Зельдович)</p>
---	---

Здесь используется традиционное сравнение *как ребенок*, оно зарегистрировано словарями обоих языков. Опорное слово *ребенок* может быть составной частью многих сравнительных оборотов: *наивный как ребенок, плакать как ребенок, вести себя как ребенок* и др. При переводе подобных сравнений, как правило, не возникает никаких особых трансформаций.

Французский язык обладает большим, чем русский, количеством переходных глаголов, хотя значение переходности, как и в русском, никак не маркировано морфологически. Эта категория выражается скорее лексически. Различают два вида переходности глагола во французском языке: прямо-переходные глаголы, присоединяющие прямое дополнение без предлога, и косвенно-переходные глаголы, к которым можно присоединить дополнение посредством управляющего предлога. В русском языке переходность глагола выражается окончанием винительного падежа существительного. Но этот падеж имеет свое особое окончание только в 1-м склонении, поскольку окончания всех существительных 3-го склонения и неодушевленных существительных 2-го склонения совпадают. В таком случае субъ-

ект от объекта отличается благодаря лексическому значению глагола. Определяющую роль играет порядок слов, но в русском языке он не дает полной однозначности конструкции.

В русских переводах новелл Э. Золя встретилось 6 случаев употребления имени существительного в винительном падеже в качестве опоры сравнения, в романах Ф. Саган – 5 случаев. В переводах произведений А. Моруа было обнаружено одно такое предложение. Конструкция с *comme* при переходном глаголе может быть передана по-русски разного рода падежными формами, хотя это возможно не всегда.

<p>... <i>j'ai été ramassé par des agents, l'autre soir comme un gamin.</i> (Sagan. Aimez-vous Brahms?)</p>	<p>Меня тут на днях забрали в полицию, как мальчишку. (Перевод Н. Жарковой)</p>
---	---

Здесь союз *как* вписывается в стилистику отрывка, выдержанного в разговорно-бытовом стиле. Что касается грамматических трансформаций, то присутствует замена пассивного залога французского глагола на активный в русском переводе. *J'ai été ramassé ... comme un gamin* – буквально: я был подобран .. как мальчишка – вариант Н. Жарковой: меня забрали ... как мальчишку. Такая замена распространена в переводах и является одной из обязательных, поскольку французская языковая традиция предпочитает использовать пассивную форму глагола чаще, чем русская. Изменение глагольных форм влечет за собой и замену подлежащего дополнением: я – меня.

Итак, французская компаративная конструкция *verbe (adjectif) + comme + substantif* может соответствовать двум русским структурам: глагол (прилагательное) + как + существительное в им. падеже и глагол (прилагательное) + как + существительное в вин. падеже без предлога. Но говорить о полном соответствии французской и русской конструкции нельзя, хотя бы потому, что во французском отсутствует система падежей. Вместе с тем подобные структуры являются для переводчика наиболее простыми, и адекватность перевода легко достижима.

Применительно к таким конструкциям, следует говорить о лексических, а не грамматических различиях исходного и переводящего языков. Переводчику важно подобрать наиболее удачный лексический эквивалент для обозначения образа сравнения.

2-й раздел посвящен рассмотрению способов выражения сравнения, обусловленных типологическим различием русского и французского языков, а именно: конструкциям с косвенными падежами и их французским аналитическим аналогам, конструкциям с модальными показателями сравнения, соотношению предложных конструкций сравнительного значения французского и русского языков, использованию вводных слов и творительного падежа при передаче французских компаративных структур. Нельзя не отметить того, что в области синтаксиса расхождения между французским и русским языком менее значительны, чем в морфологии.

Структуру предложений французского и русского языков сближает то, что оба они принадлежат к языкам номинативного строя, где подлежащее оформляется одинаково, независимо от переходности / непереходности глагола-сказуемого, а сказуемое независимо от одушевленности / неодушевленности подлежащего. Синтаксические схождения особенно значительны в плане содержания: почти нет таких категорий, которые были бы в одном языке и отсутствовали в другом. Синтаксические расхождения сводятся к внешней форме (структура синтаксических единиц, их взаиморасположение, формы и связи между ними) и их функционированию. Как известно, главным типологическим различием двух языков является синтетический строй одного и аналитический строй другого. Это общее положение отнюдь не освобождает от необходимости анализа конкретных проявлений того и другого типа грамматического строя, в том числе и в сфере сравнительных конструкций.

Русский язык – по преимуществу «язык имени», тогда как французский, как любой романский – «язык глагола». Это проявляется в более разветвленной системе именных форм в русском языке и в более разветвленной глагольной системе во французском. Глагол является строевым узлом почти всякой французской фразы. В русском же предложении глагол вообще может отсутствовать. Типичный случай – отсутствие глагола-связки – *быть*.

Кроме именительного и беспредложного винительного падежей, опора сравнения при переводе французской конструкции может быть выражена родительным, дательным и творительным падежами. В сопоставлении с использованием в качестве носителя образа сравнения имени существительного в именительном падеже их количество мало: 14% от общего количества в переводах новелл Э. Золя, 3% – в переводах новелл А. Моруа, 5% – в переводах произведений Ф. Саган.

Далее рассматриваются предложения, содержащие стилистически маркированный эквивалент сравнительного союза *как – не хуже* или *вроде*, применяемый для наиболее яркой передачи народно-разговорной речи.

Parce que Françoise, personne à Louviers, ni à Pont-de-L'Euve, à part un Don Quichotte naïf comme vous, ne l'eût épousée. (Maurois. Bonsoir, chérie!)

Ведь никто – ни в Лувье, ни в Пон-де-Лэр за исключением разве что наивного Дон Кихота вроде вас не женился бы на ней. (Перевод С. Тархановой)

Грамматическая трансформация может быть обусловлена различной употребительностью и стилистической окрашенностью глагольных форм в двух языках.

Il posait ses grosses mains sur mes épaules, se penchait comme s'il eût parlé à un enfant en me disant que je me portais mieux ... (Zola. Le forgeron)

Положив мне на плечи огромные руки, он наклонялся ко мне, как к ребенку, и говорил, что я окреп ... (Перевод Г. Еременко)

В оригинале используется сравнительное союзное выражение *comme si* – как если бы (как) и глагол в прошедшем времени условного наклонения второй формы. Причем следует отметить, что такое сочетание (*comme si*) наиболее близко по смыслу русским модальным сравнительным союзам, фраза представляет собой грамматическую конструкцию нереально-условной семантики. Но в этом случае в переводе присутствует союз реальной семантики *как* и глагол в прошедшем времени. Если перевести выделенный отрывок предложения дословно, то получится: *как если бы он говорил с ребенком*, однако переводчик прибегает к более простой конструкции *...как к ребенку, и говорил...*, которая наиболее характерна для русского синтаксиса. Как легко заменяется на *словно, будто, точно + существительное в дат. падеже* (и это будет более близко к авторской конструкции, ведь ирреальность подчеркивается здесь не только союзом, но и наклонением глагола компаративной части).

Частота использования модальных союзов при передаче французских компаративных конструкций в среднем составляет 17% от общего количества переводов, причем чаще всего мы встречаем модальные союзы в переводах новелл Э. Золя (31%), что, вероятно, объясняется особой стилистикой его произведений: поэтичностью, образным уточнением, детализацией. Хотя сочетание *comme si* наиболее близко модальным сравнительным союзам, проведенное исследование показало, что так переводиться могут и другие показатели сравнения: *comme, pareil, semblable, sembler, avoir l'air de* и др.

Следует отметить, что в том варианте перевода, где опора сравнения выражается существительным, возможна замена форманта *словно* на его синонимы *как, точно, (как) будто и подобно + существительное в дат. падеже*.

<i>Un volet tomba à l'eau, troué comme une dentelle et il fallut le remplacer par un matelas. (Zola. L'attaque du moulin)</i>	<i>Один ставень упал в воду, весь в дырках, словно кружево; пришлось заменить его матрацем. (Перевод Д. Лившиц)</i>
---	---

В тексте Э. Золя в качестве посредствующего члена выступает причастие *troué* – *дырявый*; при переводе причастие прошедшего времени заменяется на сочетание *весь в дырках*, передача сравнительного союза *comme* союзом *словно* (возможны синонимы *будто, точно*) придает обороту ирреальную сравнительную семантику. Русское прилагательное *дырявый* значит не просто *в дырках*, а обычно *изношенный до дыр*. Словосочетание *весь в дырках* можно считать находкой переводчика, т.к. буквальный перевод *дырявый* ассоциируется с ветхостью, а *дырчатый* – слишком технический термин и никак не соотносится с кружевом.

В тех случаях, где в качестве опоры сравнения выступает целое придаточное предложение, возможна замена *словно* только на *точно* и *(как) будто*, использование *как* и *подобно* не допускается. Особенно это харак-

терно для конструкций с деепричастными сравнительными оборотами и конструкций, содержащих сказуемое в компаративной части. Таких предложений 40 (55%) в новеллах Э. Золя, 7 (17%) в новеллах А. Моруа и всего 4 (1%) в романах Ф. Саган.

Компаративные конструкции, содержащие в оригинальных текстах форманты *sembler, paraître*, чаще всего переводятся на русский язык с использованием вводных слов *казаться, видимо, похоже*. Однако можно встретить и перевод *похож, -а (на что-то, кого-то), словно, как будто*, или же конструкции с творительным сравнительным *казаться кем-то или чем-то*. В новеллах Э. Золя таких конструкций 40, что составляет 12 % от общего количества сравнительных конструкций в переводах. В произведениях А. Моруа их 30 (13%), а в романах Ф. Саган – 60 (18%).

В новеллах Э. Золя глаголы *sembler* и *paraître* присоединяют чаще всего инфинитив или причастие. У А. Моруа другое: к глаголам часто присоединяется имя существительное, и тогда данная конструкция переводится с использованием творительного падежа со значением сравнения.

Mme Boussart, élégante, sportive, semblait la fille de son mari, encore assoupie, elle parla peu. (Mauvais. Raz de marée)

Мадам Буссар, в элегантном спортивном костюме казалась дочерью своего мужа, она еще не стряхнула с себя сон и была молчалива. (Перевод Ю. Яхниной)

Во всем материале встретилось несколько предложений со сравнениями, выраженными во французском языке предложными конструкциями, а именно, при помощи предлогов: *de, avec, dans, en*. Французские предлоги более грамматизованы, и поэтому перевод на русский язык с помощью предложных конструкций оказывается в некоторых случаях или невозможным, или неудачным. Во французском языке предлоги употребляются гораздо чаще, чем в русском, что компенсирует в какой-то мере редукцию падежной системы.

...il se fit donner une chaise pour allonger sa jambe, puis il but sa bière en brave homme qui a soif. (Zola. Le capitaine Burle)

Попросив стул, он положил на него свою больную ногу и осушил кружку, как добропорядочный человек, которому хочется пить. (Перевод А. Зельдович)

В данном случае предлог *en* синонимичен союзу *comme*, т. к. выражает характеристику субъекта действия, как, например, в выражении: *il parle en connaisseur* – он говорит, как знаток. Глагол *boire* способен образовывать большое количество устойчивых сравнений с союзом *comme*: *boire comme un templier, comme un chantre, comme un fiancé, comme un pompier etc.* – пить как тамплиер, как певчий, как жених, как пожарник и т.д. Все они имеют отрицательную семантику, а в данный отрывок автор не вкладывает отрицательного смысла. Кроме этого, в конструкции с союзом используется имя существительное-опора сравнения с неопределенным артиклем, а в конструкции с предлогом существительное без артикля, что может свиде-

тельствовать об ослаблении субстантивального значения имени существительного. В подобной конструкции оно не соотносено с каким-либо реальным предметом, обозначает не его, но его качества, свойства с целью охарактеризовать другой предмет или явление.

Трансформация может выражаться и в отсутствии сравнительной конструкции в языке перевода. Из всего количества предложений, содержащих сравнение в текстах Э. Золя, было отмечено 46 (13% от общего количества), которые при переводе такового не содержат. В новеллах А. Моруа таких отрывков всего 19 (8%), а в романах Ф. Саган их 74 (19%). Иногда это устойчивые сравнительные выражения, которые не имеют аналога в русском языке и поэтому передаются другими лексическими средствами. Причины замены лексической или синтаксической конструкции французского языка при переводе на русский могут быть различны. Разнообразные грамматические преобразования (замены, перестановки, опущения, добавления), ведущие к изменению структуры предложения, изучались многими лингвистами (Н.Н. Гавриленко, В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев, В.И. Евстафьев, Т.А. Казакова, Л.С. Макарова, В.А. Нуриев, О.А. Шишова, В.Е. Щетинкин и др.) Причиной грамматических трансформаций называют, прежде всего, системные несовпадения в двух языках, и как следствие, разный объем фразы (И.Г. Драбкина, В.Н. Комиссаров, С.М. Кравцов).

Наиболее часто отсутствие сравнения в переводящем языке наблюдается в конструкциях с глаголами восприятия *avoir l'air, avoir l'impression, sembler, paraître*:

Et lui quand elle l'eut dépassé la regarda s'éloigner d'un air d'ahurissement tendre. (Zola. *Le capitaine Burle*)

А он, когда она удалилась, оторопел и растроганно смотрел ей вслед. (Перевод А. Зельдович)

Следует отметить также, что около 20% от общего количества отобранных отрывков занимают немногочисленные переводы с использованием степеней сравнения прилагательных и наречий, таких лексических вариантов, как, например: *напоминать, походить, иметь вид, по-... (по-волчьи), можно подумать* и некоторые другие.

3-й раздел главы посвящен вопросу об отношении устойчивых сравнений к фразеологическому фонду языка. Здесь рассматриваются компаративные фразеологизмы французского языка и анализируются возможности их наиболее адекватной передачи на русский язык. Вслед за В.М. Огольцевым в работе разграничиваются устойчивые или привычные сравнения и сравнения-фразеологизмы. Однако фразеологизация носит градуальный характер, и сравнение тем ближе к фразеологизму, чем оно меньше мотивировано. Но и степень мотивации может убывать постепенно и осознаваться лишь какой-то частью носителей языка.

Среди устойчивых нефразеологизированных сравнительных оборотов французского языка выделены три группы. Прежде всего, это сравне-

ния, имеющие общие образы в двух языках, обусловленные общностью культурно-исторического опыта:

En dormant Margot tendait toujours son museau rose, pareille à une chatte amoureuse qui aime qu'on la gratte sous le menton. (Zola. La fête à Coqueville)

Марго и во сне продолжала вытягивать свою розовую мордочку, словно влюбленная кошка, которой нравится, когда ей чешут под подбородком. (Перевод В. Ильиной)

Такой эталон сравнения, как *кошка*, является общим для французской и русской языковой традиции. Существует устойчивое сравнение *amoureuse comme une chatte* – влюбленная как кошка, а в данном случае автор делает влюбленность одним из неотъемлемых признаков животного, а вслед за этим и своей героини.

Несмотря на общность носителей образа сравнения, иногда и в этой группе мы можем наблюдать трансформации:

Je me suis conduit comme un enfant. (Maurois. Tu es une grande actrice)

Я вел себя наивно. (Перевод В. Дмитриева)

В данном случае устойчивый сравнительный оборот *se conduire comme un enfant* – вести себя как ребенок передается наречием, и здесь внимание акцентируется на таком качестве характера, как доверчивость. Хотя, перевод здесь мог быть и буквальным: *Я вел себя как ребенок*. Но, как известно, ребенку присущи многие черты: вести себя как ребенок может означать быть веселым и беззаботным и, напротив, быть плаксивым и капризным и т.д. Переводчику важно подчеркнуть именно наивность ребенка, поэтому, опираясь на контекст всего произведения, он и предпочел использовать данную трансформацию.

Следующая подгруппа объединяет сравнения, содержащие отличные культурные образы, взятые в качестве опорного слова, но переведенные буквально, в связи с понятностью, хотя и меньшей распространенностью, национально-специфического образа в принимающем языке:

... avec l'âge elle devait finir par être ronde et friande comme une caille. (Zola. L'attaque du moulin)

... но с возрастом она становилась пухленькой, а со временем обещала сделаться кругленькой и лакомой, словно перепелка. (Перевод Д. Лившиц)

Выражение *rond(e) comme une caille* – круглый(ая) как перепелка является устойчивым во французском языке. В данном случае на русский язык оно переведено буквально, чтобы показать национальные особенности, подчеркнуть разные эталоны сравнения, но французское устойчивое сравнение воспринимается в русском переводе как свободное и даже индивидуально-авторское.

В третью подгруппу включены уникальные компаративные структуры французского языка, переданные устойчивым сочетанием, но не сравнительным:

... avec une passion qui l'étourdissait un peu, d'autant plus qu'il était encore soûl comme une grive. (Zola. La fête à Coqueville)

Их горячность слегка ошеломила его, тем более, что он все еще был мертвецки пьян. (Перевод В. Ильиной)

В этом отрывке используется устойчивое сравнение французского языка *soûl comme une grive* – буквально *пьяный как певчий дрозд*. Поскольку в русском языке нет устойчивой компаративной структуры, имеющей именно такую лексическую наполненность, и буквальный перевод ничего бы не сказал воображению русского читателя, то переводчик опускает сравнительный оборот. Он использует лексический вариант с наречием: *мертвецки пьян* (это один из вариантов эквивалентного перевода, который дает А.Г. Назарян в сборнике «Устойчивые сравнения французского языка»), а по структуре *мертвецки* – это наречие меры и степени. Т. к. и то, и другое выражение говорит о степени опьянения, то ни с точки зрения стилистики, ни с точки зрения смысла текст перевода ничего не теряет. К тому же, в русском языке нет отрицательных сравнений с птицами, большинство устойчивых сравнений, где предмет сравнения – *пьяный*, связаны скорее с четвероногими (собака, свинья) или людьми (сапожник). Безусловно, любой предмет или явление имеет самые разнообразные качества, но разные языковые коллективы выводят на первый план неодинаковые характеристики и, выделяя их, создают фразеологический фонд языка: так в русском существует сравнение *певчий, как дрозд*, которого нет во французском.

Далее рассмотрены устойчивые фразеологизированные сравнительные обороты французского языка и их передача на русский.

В новелле Э. Золя «Праздник в Коквиле» дважды встречается выражение *battre comme plâtre* – буквально *бить как известку*. В русском языке нет такого устойчивого сравнения. А.Г. Назарян отмечает, что данное выражение должно быть переведено на русский язык свободным словосочетанием без использования сравнительного оборота – *жестоко бить* или фразеологическим оборотом *бить смертным боем*.

... M.Mouchet lui-même plus tard épousa la veuve Dufeu, qu'il battit comme plâtre. (Zola. La fête à Coqueville)

А позднее и сам господин Мушель женился на вдове Дюфе и нещадно ее колотил. (Перевод В. Ильиной)

В данном фрагменте устойчивое выражение передано по-русски свободным сочетанием сказуемого с обстоятельством.

Nous sommes volés comme au coin d'un bois, mon cher monsieur, comme au coin d'un bois. (Maurois. La malédiction de l'or)

Нас обокрали среди бела дня, мой дорогой, грабеж среди бела дня. (Перевод Ю. Яхниной)

Сравнение данного отрывка является устойчивым фразеологическим оборотом французского языка. Буквально оно обозначает: *быть ограбленным как на углу леса* (с локальным значением) или имеет эквивалент *быть*

ободраным как липка (значение предметное). Однако переводчик использует лексическую и грамматическую трансформацию. В русском переводе выражение теряет свое сравнительное значение и передается с использованием обстоятельства: *обокрали (когда) среди бела дня*. В переводе эта единица также является фразеологизмом, но не компаративным. Правда, в таком случае несколько искажается авторский замысел: локальное значение теряется. Для того, чтобы его сохранить, можно использовать конструкцию *ограблены как на большой дороге*. В русском языке лес не является символом грабежа, хотя и существует выражение *лесной разбойник*. А вот в образе *большой дороги* это как раз отражается: *разбойник / бандит с большой дороги*.

Анализ устойчивых сравнительных конструкций показал, что переводчики большей частью стараются сохранять образные средства оригинала, но при этом наблюдается разная степень фразеологизации во французском и русском языках. Наряду со сходными сравнениями, где основания одинаковы в двух языках, есть случаи, когда возможны взаимозамены, но лишь внутри одного языка. Здесь следует говорить об идиоматичности, традиционной сочетаемости слов, которая в каждом языке своя. В некоторых случаях достаточно трудно предположить, на основании чего носители языка был избран тот или иной эталон сравнения, иногда отличный от того, который существует в языке-приемнике, и переводчику необходимо использовать другое опорное слово или сходное по структуре или значению устойчивое выражение, но с иным лексическим составом. С грамматической точки зрения фразеологизм, как и устойчивое, в обоих языках сравнение, составляет целостный член предложения, где союз *comme* – как десемантизируется. Сравнение становится обстоятельственным членом простого предложения.

В заключении обобщаются результаты исследования, излагаются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение синтаксической и морфологической структуры художественного текста является одной из важнейших проблем, направленных на изыскание смысла художественного произведения. Понимание художественного текста не может быть полноценным без понимания особенностей языка произведения, его структурных единиц, в частности – сравнительных конструкций во всем комплексе их типологически обусловленных черт, сходных и различающихся. Сходные конструкции разных языков оказываются не только наиболее активными, но и наиболее устойчивыми во времени, тогда как в несходных конструкциях даже на протяжении небольшого периода в истории языка, рассмотренного в данной работе, наблюдаются некоторые сдвиги. Материал показал, что грамматические различия языков дают разные возможности для стилистических нюансов. В частности менее расчле-

ненная глагольная система русского языка компенсируется синонимическим богатством союзов, разная степень фразеологизации устойчивых сравнений компенсируется за счет лексических средств языка перевода и т.д. Использование автором различных конструкций, выражающих семантику сравнения как одного из изобразительно-выразительных средств, и умелый выбор их аналогов переводчиком в условиях значительных типологических различий языков позволяет наиболее полно реализовать эстетическую функцию художественного произведения.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Анохина, Ю.М. Синтаксические аспекты выражения сравнений в русском и французском языках / Ю.М. Анохина // Омский научный вестник. – № 9 (47). – Омск, 2006. – С. 332–335.
2. Анохина, Ю.М. Национально-культурные и структурно-семантические особенности французских сравнений и способы их передачи на русский язык / Ю.М. Анохина // Вестник Бурятского государственного университета. – Выпуск 11: романо-германская филология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 3–5.
3. Анохина, Ю.М. Сравнение как элемент текста (на материале новелл Э. Золя и А. Моруа) / Ю.М. Анохина // Сборник материалов научной конференции аспирантов и студентов гуманитарного факультета ОмГАУ 2004. – Омск: Изд-во Омск. гос. аграрного ун-та, 2005. – С. 67–73.
4. Анохина, Ю.М. Специфика использования морфологических форм в сравнительных конструкциях (на материале русского и французского языков) / Ю.М. Анохина // Вопросы филологии и журналистики. – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОГИ, 2006. – С. 97–104.
5. Анохина, Ю.М. Некоторые особенности оформления сравнения во французском языке / Ю.М. Анохина // Вопросы лингвистики и лингводидактики: слово, предложение, текст. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2007. – Выпуск 6. – С. 9–17.
6. Анохина, Ю.М. Сравнение в художественном тексте и его семиотическая природа / Ю.М. Анохина // Теоретические проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации. Материалы межвузовской научно-практической конференции 25 апреля 2007 г. – Омск: Ин-т иностранных языков «Иняз – Омск», 2007. – С. 219–223.
7. Анохина, Ю.М. Сравнение как мыслительная операция / Ю.М. Анохина // Сборник материалов к российско-польской научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. – Новосибирск; Омск: Изд-во Омск. гос. аграрного ун-та, 2007. – С. 67–71.
8. Анохина, Ю.М. Роль сравнения в создании образности дискурса / Ю.М. Анохина // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка

и лингводидактике: в двух частях. Ч. 2. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 10–14.

9. Анохина, Ю.М. Национальное своеобразие некоторых французских сравнений и их русские эквиваленты / Ю.М. Анохина // Проблемы филологии и межкультурной коммуникации на современном этапе. Сборник материалов к международной научно-практической конференции: в двух томах. – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 2007. – Т. 1. – С. 49–55.

10. Анохина, Ю.М. Зоонимы в составе фразеологических сравнительных оборотов (на материале французского языка) / Ю.М. Анохина // Филологический ежегодник. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2008. – С. 42–47.

11. Анохина, Ю.М. Некоторые способы перевода французских сравнительных конструкций на русский язык / Ю.М. Анохина // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: международный сборник научных трудов. – Москва; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2008. Выпуск 7. – С. 316–320.

Подписано к печати 06.11.2008. Формат бумаги 60х84 1/16.

Печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 120 экз. Заказ 390.

Издательство ОмГУ

644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а, госуниверситет

$$10 =$$